

Лариса **ЛУЖИНА:**

Вех. клуб. - 2001. - 30 марта - 5 апр. - с. 7

СНАЧАЛА МЕНЯ ВТЯНУЛИ В ШПИОНСКУЮ ИСТОРИЮ

В пору повального собирания открыток с киноартистами мы, кажется, знали о своих кумирах все. Но со временем вдруг выясняется, что, например, песня Высоцкого «Она была в Париже» посвящена вовсе не Марине Влади, а Ларисе Лужиной. Кто знает, как сложились бы судьбы всех троих, если бы Лариса оказалась благосклонной к чувствам своего партнера по фильму «Вертикаль».

— Лариса Анатольевна, ну а в Париже-то вы были?

— В первый раз — в 1962 году, когда мы привезли на Каннский кинофестиваль картину «На семи ветрах», она шла там вне конкурса. Именно об этой поездке я много рассказывала Володе. Потом в Париже снималась в фильме польского режиссера Богдана Порембы «Ярослав Домбровский», а в конце 80-х еще несколько раз побывала там уже по гостевой визе.

— А как вы пришли в кинематограф?

— Напротив нашего дома был павильон студии «Таллифильм». Однажды на улице меня остановила женщина и предложила сняться в кино. Это была Лейда Лайус, тогда ассистент на Таллинской киностудии, а ныне классик эстонского кинематографа. В жутко серьезной «шпионской» драме «Незванные гости» мне предложили изображать эстонскую певицу-эмигрантку, выступающую в шведском кафе. Это при полном отсутствии голоса и музыкального слуха! Снимали, разумеется, под фонограмму, я только рот открывала.

— Получается, что все произошло случайно?

— Ну уж нет! После войны мы с мамой жили в Таллине. Я хорошо освоила язык, училась в эстонской школе. А вечерами бегала на занятия в драмкружок, руководителем которого был замечательный актер Таллинского русского драматического театра Иван Данилович Россомехин. Кстати,

среди его учеников такие известные актеры, как Виталий Коняев, Владимир Коренев, Игорь Ясулович.

— Почему вы оказались с мамой в Таллине?

— Война. Родилась я в Ленинграде; папа был штурманом торгового флота, мама работала на обувной фабрике «Красный треугольник». Воевал отец в ополчении, совсем рядом с городом, а когда его ранило, лежал дома. Он умер от голода в первую блокадную зиму. Тогда же умерла от дистрофии моя старшая сестра шести лет. Бабушку убило осколком на улице. Нас с мамой лишь в конце блокады вывели в Ленинск-Кузнецкий. В 45-м вернулись в Ленинград, а наша квартира занята. Остались без прописки. Хорошо хоть, дедушка по маминой линии (он эстонец) организовал нам вызов в Таллин. Там и прожили с мамой пятнадцать лет.

— Какой театральный вуз вы избрали для поступления?

— «Избрала» — это, пожалуй, слишком торжественно. Денег мне хватало только для того, чтобы добраться до Ленинграда. Так что поступала я в театральный вуз именно там. Это было еще до кинопроб. Но — увя... До моего следующего поступления в институт, на этот раз во ВГИК, я уже дебютировала в двух кинолентах на Таллинской студии. А потом началась захватывающе интересная учеба-работа в мастерской Сергея Герасимова и Тамары Макаровой. Спустя год уже были съемки в фильме «На семи ветрах», еще через год — «Тишина». И все же я

до сих пор жалею, что в те годы мне не довелось играть на академической сцене. После ВГИКа приглашали пробовать в труппу МХАТа, но я уехала с нашей делегацией в Канны. Тогда, по молодости, это казалось важнее. А потом была длительная работа в ГДР. Режиссер Иохим Хюбнер начал съемки большой телевизионной эпопеи «Доктор Шлютер» и рискнул доверить мне сложную роль, вернее, две роли: Евы и ее дочери Ирены. Пришлось выучить немецкий язык. Правда, из-за сильного акцента озвучивала меня немецкая актриса. Но уже в следующей картине я говорила по-немецки. Это было оправданно — моей героиней была русская учительница, партизанка Мария. Четыре года я жила в ГДР, домой приезжала только в отпуск, стала даже лауреатом Национальной премии ГДР, дважды была удостоена высшей награды телевидения ГДР «Золотой лавровой ветви» и один раз «Серебряной лавровой ветви».

— Сегодня актерам трудно устоять на ногах, тем более сняться в хорошем фильме...

— Конечно. У многих актеров моего поколения творческий голод. В последнее время я сыграла в спектакле «На дне», поставленном Эдуардом Марцевичем в Театре киноактера, в «Чайке» режиссера Геннадия Шапошникова и в моноспектакле «Женщина в стиле осень». Давать спектакли приходилось на разных сценах, и это не от хорошей жизни. Денег едва хватало на постановку, а за аренду помещения для ее проката платить было нечем. Так что приходилось играть и в подвале.

— А не обидно, имея такой послужной список, по сути, перебиваться случайными заработками?

— Конечно, обидно. Я народная артистка России, 57 картин за плечами. За рубежом на гонорары от фильмов, наверное, могла бы свой собствен-

ный театр иметь. У нас же жизнь совершенно сумасшедшая. Постоянно где-то выступаю, получаю гроши... Хотя и не выступать уже не могу. Вот опять вместе с Геннадием Шапошниковым организовали антрепризный театр «Артефакт» при Союзе кинематографистов. Подготовили спектакль «Театральные анекдоты» по мотивам пьесы Николая Коляды «Курица». Кроме меня в спектакле заняты народные артисты Владимир Конкин и Татьяна Конохова, заслуженные артисты Нина Крачковская, Юрий Чернов и совсем молодая Татьяна Куликова. Здесь тоже свои сложности. И опять отсутствие собственной сцены кидает нас по всей стране. Куда приглашают, туда и едем.

— А как в семье? Как за каменной стеной?

— В какой-то мере. Сын уже вырос и живет отдельно. После службы в армии он окончил Институт киноинженеров, работает на «Мосфильме». Мы живем вдвоем с супругом.

— Ваши первый и второй мужья были кинооператорами. А чем занимается нынешний?

— Слава был режиссером массовых театрализованных зрелищ, сегодня он директор нашего нового антрепризного театра.

— Не сложно под одной крышей двум творческим личностям?

— Сложно. Тем более, что хозяйственных забот с меня никто не снимает.

— А как вы относитесь к высказыванию Анастасии Вертинской, что актрисе не нужна полная семья, а только дети?

— В общем-то, я с ней согласна. Однако это может быть верным только при достаточно устойчивом материальном положении и при постоянной творческой занятости.

Встречалась
Татьяна СКОБЕЛЕВА

